

Префект Сун решил действовать обдуманно. Поэтому он мягко спросил Сян Юаня, есть ли у него что сказать в ответ на эти обвинения.

Сян Юань симпатизировал этому пожилому префекту. Говорят, старики мудры, особенно те, кто провёл полжизни в чиновничьих кругах. Префект Сун явно был умным человеком, и его терпимость также казалась немалой.

— Господин префект, позвольте спросить, есть ли у вас доказательства по поводу сноса храмов?

— Как это нет? Ваш помощник начальника уезда Хао — свидетель. Я лично слышал, как он жаловался на бедственное положение жителей деревень, чьи святыни были разрушены. Помощник Хао несколько раз плакал, это действительно трогательно.

Помощник Хао?

Сян Юань прищурился и усмехнулся. Он специально давал помощнику Хао полномочия, оставляя его в управе, когда сам отправлялся в деревни, чтобы проверить его. И, как и ожидалось, тот не выдержал и начал устраивать беспорядки.

— Односторонние слова не могут служить доказательством. Более того, человек, склонный к жадности, не заслуживает доверия. Вот записи о взятках, которые помощник Хао брал за все годы своей службы. Сумма достаточно велика, чтобы покрыть расходы управы Цюйчжоу на два года.

К счастью, он захватил с собой записи, и вот они пригодились.

Префект Сун внимательно изучил книгу учёта, а затем, закрыв её, бросил её перед подчинённым, который только что яростно выступал, и гневно сказал:

— Такого паразита давно следовало устранить, а ты поверил его сладким речам!

Подчинённый поспешно поднял книгу учёта, пролистал пару страниц, и на его лбу выступил пот. Он торопливо сказал:

— Это моя оплошность, я не знал, что он такой негодяй. Дело начальника уезда Сяна я проверю ещё раз.

Префект Сун нахмурился и махнул рукой:

— Не надо. Раз уж господин магистрат здесь, давайте послушаем его.

Сян Юань снова сложил руки в знак уважения и объяснил официальную причину восстановления храмов. Он также подчеркнул, что в каждой деревне, где планировалось

восстановление, сначала спрашивали согласие жителей, и только после этого начинали работы. Если согласия не было, храмы не трогали.

Префект Сун кивнул:

— Это хорошая идея. Хотя в области Тунпин из года в год царит благоприятная погода и редко бывают бедствия, строительство таких храмов может предотвратить проблемы в будущем, и это хорошо.

— Цунцзы, а как насчёт хулиганов и бездельников?

Внезапно кто-то мягко спросил, словно заботясь о нём.

Сян Юань посмотрел и увидел Сунь Цзюня с выражением заботы на лице, что заставило его поднять бровь.

Сян Юань улыбнулся Сунь Цзюню, и тот почувствовал холодок по спине.

— По вашему мнению, мы должны позволить хулиганам и бездельникам безнаказанно издеваться над народом и нарушать порядок? Чтобы Цюйчжоу, да и вся область Тунпин, в глазах других выглядели как места, где царят хулиганы? И куда вы тогда поставите нашего префекта Суна?

Префект Сун медленно нахмурился, сжав губы. Все присутствующие подчинённые и уездные начальники напряглись, те, кто ранее громко кричал, теперь были покрыты холодным потом.

— Это наглое преувеличение и запугивание! Несколько бездельников — это лишь мелкая проблема, не стоящая внимания!

Сян Юань посмотрел на того человека, презирая его напористость, и сказал:

— Плотины в тысячу ли разрушаются из-за муравейника. Эту истину, думаю, не нужно объяснять писарю Хэ?

Эти слова, полные скрытого сарказма, заставили худощавого писаря Хэ средних лет покраснеть и побледнеть.

Закончив, Сян Юань спокойно сел, его непринуждённая манера поведения совсем не походила на поведение новичка, впервые пришедшего с отчётом в управу префектуры. Это заставило многих присутствующих, давно служащих чиновников, вздохнуть.

Кто-то вышел вперёд, чтобы сгладить ситуацию, говоря, что действия начальника уезда Сяна в Цюйчжоу действительно были направлены на благо народа, и они лишь из-за его молодости

выразили сомнения, надеясь, что начальник уезда не примет это близко к сердцу.

Услышав это, Сян Юань не отреагировал, но Сунь Цзюнь не смог сдержать своего гнева, его лицо сразу же потемнело. Заместитель префекта Фань, сидевший рядом, краем глаза заметил багровое лицо Сунь Цзюня и, подняв чашку чая, скрыл усмешку.

Этот Сунь Цзюнь, благодаря связям своей семьи, вытеснил его друга и занял должность судьи. Если бы он был хорошим человеком, возможно, он бы не испытывал такого сопротивления. Но Сунь Цзюнь был человеком с высокими амбициями и низкими способностями, считавшим себя выше других из-за своего происхождения из семьи учёных. Он смотрел свысока на тех, кто получил должность благодаря деньгам или экзаменам, считая себя выше них. Этот инцидент с начальником уезда Сяном был организован несколькими его коллегами, которые узнали, что Сунь Цзюнь хочет проучить Сян Юаня, и решили подыграть. Сунь Цзюнь думал, что его план гениален, но не знал, что все они втайне ждут, чтобы посмеяться над ним. Те, кого он подкупил, были никчёмными людьми, гоняющимися за деньгами, и от них нельзя было ожидать ничего хорошего.

Как и следовало ожидать, всего через пару раундов обвинения, поднятые Сунь Цзюнем, оказались в неловком положении. Префект Сун был мудрым человеком и сразу понял, в чём дело.

Сунь Цзюнь был близок к тому, чтобы оказаться на обочине!

Затем другие уездные начальники встали, чтобы доложить о своей работе. Сян Юань, слушая отчёты других уездов, внимательно наблюдал за происходящим в управе префектуры. Вскоре он пришёл к выводу, что его свояк Сунь Хэминь, судя по всему, не пользовался популярностью, и его способности были слабыми, вероятно, он имел мало реальной власти. Забавно, что он не осознавал этого и продолжал держаться высокомерно, намеренно отдаляясь от влиятельных людей в управе.

Сян Юань покачал головой. Если бы не поддержка семьи, этот свояк, вероятно, остался бы на должности судьи на долгие годы.

Пока другие громко обсуждали дела, весело и непринуждённо, Сунь Цзюнь сидел на мраморном кресле, словно на железных шипах. Он не мог встать и уйти, но, заметив сочувствующие взгляды других, чувствовал себя крайне униженным и раздражённым.

Он не понимал, как Сян Юань, всего лишь начальник уезда седьмого ранга, мог так уверенно выступать перед всеми, не проявляя ни малейшего страха? Хотя он был выходцем из бедной семьи, он вёл себя более уверенно, чем он сам, представитель настоящей семьи учёных. И, несмотря на всю свою ненависть к Сян Юаню, он не мог не признать, что многие его слова были разумными, особенно его взгляды на торговлю, которые были поистине вдохновляющими. Префект Сун хотел использовать Сян Юаня, чтобы сблизиться с Хэ Цуншанем, но Сян Юань не только развеял его надежды, но и убедил организовать в области Тунпин что-то вроде торгового взаимодействия, говоря о взаимовыгодном обмене и стимулировании потребления,

чтобы оживить торговлю и способствовать развитию всей области Тунпин.

— Мы сами должны выйти за пределы области и продавать наши товары в трёх областях и трёх реках, чтобы прославить Тунпин. Когда товары будут продаваться в больших количествах, и имя Тунпина станет известным, торговцы из этих областей и рек тоже придут к нам. Таким образом, торговля оживёт, деньги будут быстро возвращаться, и люди действительно получат выгоду.

Сян Юань подробно беседовал с префектом Суном, уверенно и ярко. Сунь Цзюнь, вынужденный слушать, изо всех сил старался сохранить лицо, но внутри чувствовал себя крайне неловко.

Префект Сун слушал внимательно, задавал вопросы о том, как именно правительство может организовать торговые караваны, и Сян Юань легко отвечал, не скрывая ни плюсов, ни минусов. Префект Сун, глядя бороду, одобрительно кивал.

Отчёт продолжался до глубокой ночи, и только тогда управа префектуры разошлась. Сян Юань, сев в повозку, наконец расслабился. По пути он проезжал мимо лавки с жареными гусями, которая ещё не закрылась, и приказал Суну Да купить половину гуся. Раскрыв бумажный пакет, он почувствовал аппетитный аромат жареного гуся, улыбнулся — вкусно, возьму жене на ужин!

Сян Юань и Чжао Шэнь провели в области Тунпин несколько дней, посетив обязательный ужин у Сунь Цзюня и пир у Хэ Цуншаня, наладив необходимые связи, а тех, кого можно было игнорировать, они оставили без внимания.

После отчёта Сян Юань вернулся в Цюйчжоу, где, помимо обычного наблюдения за ситуацией в уезде, начал готовиться к их первому совместному празднованию Нового года вне дома.

Сян Аньцзю не вернулся в Личжун, а остался с Сян Юанем и Чжао Шэнем отмечать Новый год. Он писал письма Фэн-нян и Ли-ши, рассказывая о жизни в Цюйчжоу, считая себя уже взрослым и не желая возвращаться домой, пока не закончит обучение.

Сян Юань и Чжао Шэнь не возражали. Они вместе с Сян Аньцзю и Сян Юй отметили праздник весело и шумно, став ещё ближе друг к другу.

<http://bllate.org/book/15532/1381221>